

Жанлозишвили Георгий
Михайлович

1989 - 5.08.

Сов. культура. - 1989. - 5 авг. - с. 9

ШЕСТЬДЕСЯТ Георгию Михайловичу Калатозишвили (для нас — Тито) исполнилось бы в сентябре 89-го; скончался он почти 5 лет назад. Так что это не юбилейная статья. И не только воспоминания о друге. Скорее всего — мысли о Личности и Перестройке.

Всем, кто осознал необходимость и неизбежность нравственно-экономической революции, ясно, что гарантом ее успеха является становление и восстановление Личности в каждом из нас. Это — непросто. Трудно выдавливать — даже по капле! — из себя раба. Трудно (и, наверное, рано) забыть о том, что в течение многих лет мы жили в обществе, где (почти по Оруэллу) все люди были равны, но некоторые более равны, чем другие.

Сегодня вполне обоснованно говорят и пишут о необходимости создания механизмов, обеспечивающих необходимость процесса демократизации. Но, и об этом следует помнить, в человеческой истории создавалось немало — пусть несовершенных, и все же демократических — систем, механизмов и законов. А затем та же история выводила на авансцену тиранов, которые, великолепно используя такие черты людей, как доверчивость и беззаботность, алчность и трусость, карьеризм и приспосабливаемость, легко разрушали эти структуры.

Поэтому представляющееся кое-кому банальным утверждение — залог необратимости перестройки только в нас самих, в нашем превращении в личностей, в нашей готовности к борьбе — практически не имеет никакой альтернативы. По поводу и порой без повода прослушивая (петь большинство давно разучилось) наш партийный гимн, мы перестали вникать в его смысл. «Никто не даст нам избавленья — ни бог, ни царь и ни герой...»

Поэтому в обществе начата переоценка значения примера нравственной Личности. Поэтому представляются мне актуальными воспоминания о таких людях, как Тито Калатозишвили.

Он был профессионалом очень высокого класса, великолепным режиссером, оператором, актером («Голос»!). Даже не очень удавшиеся его картины пронизаны каким-то особым добром и светом, а толстовские экранизации «Кавказский пленник» и «Казак», как не раз говорили специалисты, относятся к числу пока недооцененных шедевров кинематографа.

Он обладал тончайшим художественным вкусом. Ес-

ли Тито что-то рекомендовал, все знали: это обязательно надо посмотреть, прочесть, прослушать. Я хорошо помню, с каким душевным трепетом ожидали его отнюдь не смягченных дружбой оценок такие мастера, как Андрей Тарковский и Гия Давелия, Роберт Стурца и Гия Канчели, Эльдар Шенгелая и Гига Лордкипанидзе.

Он был удивительно интеллигентен. У него и рядом с ним можно было встретить немало талантливых людей.

В экстремальных ситуациях он проявлял исключительную силу духа. Когда на Крайнем Севере самолет с киногруппой потерпел аварию и положение казалось безнадежным, Тито буквально заставлял всех работать, ждать и надеяться. И их спасли.

Он неплохо разбирался в политике и экономике. Он говорил руководству студии: давайте сократим на две трети группу, увеличим оставшимся зарплату и будем снимать быстрее и наверняка не хуже. Но... не тот был период.

Это в беседах с Тито выкристаллизовывалась мысль, которую один из наших друзей сформулировал в апреле 85-го так. Сегодня мы в бо-

лоте. Останется все по-прежнему — можем простоять еще долго, но обязательно утонем в конце концов. Начнем шевелиться, что-то кардинально менять — можем утонуть быстрее, но зато появится реальный шанс спастись.

Он провел многие годы в Москве, любил ее и все-таки оставался тбилисцем с ярко выраженным и легкоранимым чувством гордости за город. Святое дело сделал Резо Чхеидзе, когда — при соответствующей помощи и поддержке — вернул Тито в «свой» город, знакомый до слез.

У него всегда кто-то жил, он считал совершенно естественным поделиться с другом, подарить любившемуся человеку лучшую свою вещь. Зато и радовался, как ребенок, получив в подарок какую-нибудь безделушку.

Ребенок, юноша — эти слова часто звучат в воспоминаниях о Тито. Недаром мечтой его был фильм по «Хаджи-Мурату», а «Хаджи-Мурат», как иногда говорят, самое юношеское произведение Толстого. И внутренняя раскрепощенность его, неумение и нежелание жить строго по Часовой Скрижали тоже были юношескими.

Конечно, Тито был человек, ничто человеческое не было ему чуждо, и грех делать из него икону. Было всякое: и уходы в застолье, в преферанс, в бильярд, и блистательно проведенные операции «Одуванчик» с мгновенным уничтожением крупного гонорара. Бывало...

И все же позволю себе утверждать, что Тито был прямым преемником круга грузинских интеллигентов, воспитанных на гуманистических идеалах Руставели, сохранивших самобытность и национально-индивидуальные черты и вместе с тем органически впитавших в себя многие качества русской послепушкинской интеллигенции. В этих людях, мне кажется, как нигде сошлись Запад и Восток, совместились европейская образованность и восточная мудрость. Наше счастье, что порой такие Личности встречаются и сегодня.

Но фактом остается и острота дефицита таких Личностей. Где-то я прочел: не только многие грибы срезаны, но повреждена и сама грибница. Были великие переломы, объявленные и необъявленные войны, эмиграция, 37-й и другие годы. Если мы верим, что великое

общество могут построить только свободные, только не-унифицированные люди, мы должны разобраться во всем этом до самого конца, до самых горьких корней.

Мы должны, если хотите, вернуть Личности — нравственной, способной к любви, сопереживанию, прощению, покаянию — право на существование. Мы должны понять, что только Личность не способна, каковы бы ни были «правила игры», предать на деле или в душе, только Личность не способна воспринять — не ложь, это само собой! — даже правду без любви.

Нам дан исторический шанс: сделать добро сильным. «Не бойся сплетен, хуже тишина...» — писал перед смертью Паоло Яшвили. Там, где не будет Личностей, будут, — несмотря на самые благие пожелания верхов, — сплетни, будет и тишина.

Вот почему сегодня особенно важным представляется мне воспоминание о Тито. Вот почему сегодня, когда многие, многие люди и идеи своим возвращением तो ли успокоили, то ли взбудоражили наш ум и нашу совесть, мне порой кажется, что Тито Калатозишвили «опять вернулся в грани мира на зов тоскующей любви».

Автандил
САКВАРЕЛИДЗЕ.

ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТЬ